

**Ирина
ИВАНОВА**
г. Костомукша,
Карелия

МИИГ

90 Бессмертия

Девушкам-партизанкам посвящается

Они лежали в зарослях молодой ольхи на обочине не по-июньски пыльной просёлочной дороги между деревеньками Пахомваара и Латвозеро. Лежали как убитые, не шелохнувшись. Замерли под молодой листвой, как зайцы, опасаясь быть обнаруженными.

Опытные партизаны напрягли слух до звона в барабанных перепонках. Не поднимут ли гвалт сороки, не хлопнут ли в испуге тяжёлыми крыльями глухари, поднятые человеческой поступью? Враг опытный, осторожный и, что ещё более опасно – местный. Финны в лесу как рыба в воде. Не то что неуклюжий хруст сучка, дыхание партизана услышать могут. А «языка» взять нужно обязательно.

Дмитрий Иванович Большаков, командир группы, понимает, как важно получить сведения о планах финского командования сейчас, когда под Курском разворачивается глобальная военная операция. Партизаны устали. Шутка ли: более сотни километров прошли от Лехты через линию охранения и далее по лесам и болотам,

зачастую увеличивая свой путь, обходя лесные ламбы и вражеские заслоны. После Сопасалмы партизанский отряд «Красный онежец» разделился на группы, каждая ушла выполнять своё задание.

Тоня Падарина и Шура Расторопова лежали поодаль от дороги, рядом молодой радист Саша, бережно обнимающий вещмешок с рацией. Кажется, чего проще: лежи и жди, когда разведгруппа выполнит боевую задачу.

Шура, подергивая плечами, пыталась отогнать назойливую мошкарку. Резко выдыхая струйки воздуха, она тщетно боролась с гнусом, атаковавшим её ноздри, рот, щёки, мелко и злобно впивающимся в её нежную девичью кожу. Как в зеркало, она осторожно косилась на Тоню, понимая, что кровавые веснушки, покрывающие сейчас лицо подруги, украшают и её саму. Удивительно, как Тоня это терпит!

Шура, пытаясь отвлечь себя, наблюдала за партизанами, чьи спины и сапоги были видны из-за небольшого камня. Оружие партизан выглядело совсем как те деревянные палки, которыми они с мальчишками в детстве «обстреливали»

друг друга. Мысль зацепилась за ниточку тёплых воспоминаний и унесла её далеко-далеко от этого леса в уютную, пахнущую молоком и свежим хлебом деревеньку Быковище Краснохолмского района Калининской области. Слезы подступили к глазам, когда всплыло в памяти доброе мамино лицо, всё в слезах:

– Шура! Шурочка! – мама хватается её за рукав, пытаюсь удержать. Это материнское отчаяние Шура только теперь стала осознавать в полной мере.

– Мама! Поезд отходит!

– Вот, на дорогу тебе собрала! Я носочки там теплые положила, – они порывисто обнялись, и вот Шура уже цепляется за поручни подошедшего вагона. Нет силы на земле, которая останавливает её. – Зачем тебе этот Беломорск! Останься, доченька!

– Нет, мама! Там отец, он поможет! Я же говорила, в Беломорске штаб Карельского фронта!

– Шура, тебе семнадцать! Мужики пусть воюют!

Шура и тогда, и сейчас не понимает, почему только мужики, чем она хуже! После седьмого класса она села на трактор, и одноклассница Оля тоже. А в Краснохолмске в тире она выбивала восемь из десяти. Мальчишки тихо косились, но в глазах читалась зависть. А в семье после отъезда отца в Беломорск все слушались её беспрекословно. Для двоих братьев и сестры она была непререкаемым авторитетом.

– Немцев от Сталинграда прогнали! Мама, скоро война закончится! Прощай, родная! Я вернусь с победой!

Шура не видела, как мать, глотая рыдания, опустив плечи, медленно брела за поездом, уносящим от неё Шурочку, её любимого первенца, на Север, в далёкий Беломорск. Вся надежда была на отца. Строгий и своенравный Георгий давно покинул семью. Сначала уехал на заработки, а потом стало ясно, что уже в Быковище не вернётся. Дети воспитывались в уважении к отцу, и он их привечал, писал письма. А Шура и Володя перед войной были у него в гостях.

Лёжа во втором эшелоне партизанской засады, Шура вдруг осознала, что за несколько месяцев, отделяющих её от того убегающего перрона, она прожила целую жизнь. Сейчас к её тёплому боку по-дружески прижалась медицинская сумка. Наступит момент, когда жизнь кого-то из товарищей, с кем она была сейчас на задании, будет зависеть от умелых Шуриных рук и от содержимого этой небольшой брезентовой вещицы. И хотя в

отряд она зачислена бойцом, оказывать помощь раненым Шура научилась. Научилась благодаря Маше. Маша... Манечка Роженок, подружка... Как часто во время этого трудного похода по болотам и буеракам Шура тревожно смотрела в спину подруге, предлагала понести её вещмешок или винтовку.

– Шура, я в порядке! – сурово сдвигались её чёрные брови. – И пожалуйста, не привлекай ко мне внимания.

А внимания этой красивой украинской дивчине было предостаточно. Время от времени подходил её брат Ефим. Это был весёлый, подтянутый, но в нужные моменты строгий и сосредоточенный партизан-разведчик. В Юшкозере на привале он попытался переложить в свой вещмешок часть Машиной поклажи, но получил суровый отпор и теперь только издали наблюдал за сестрой. А всё из-за ноги. Маша зимой сломала бедро. Кость срослась, но девушка ещё слегка прихрамывала, хотя это было заметно только под тяжёлой ношей. Она смогла убедить руководство госпиталя, что совсем здорова и готова к походу. Для Маши, как и для Тони с Шурой, этот рейд был первым.

Шуре вдруг вспомнилась их случайная встреча в Беломорске, ставшая началом девичьей дружбы. Отец Шуры сделал всё, как ему казалось, чтоб семнадцатилетняя дочь выбросила из головы мысли о фронте. Практически сразу он устроил Шуру на базу ДорУРСа. Как-никак работа постоянная, с утра до вечера занята. Но военная столица Карелии на каждом шагу напоминала девушке о цели её приезда. Она упорно ходила от военкомата к штабу Карельского фронта, откуда её снова направляли в военкомат. И везде напоминали о возрасте:

– Вот исполнится восемнадцать, тогда приходите!

Неутомимые ноги привели её к госпиталю, на ступеньках которого она и познакомилась с Машей. Маша Роженок стала ей старшей сестрой, подругой, наставницей. В короткие минуты отдыха, без сил устроившись прямо на полу у жаркой печки, они мечтали о будущем, вспоминали родину.

– Знаешь, Шур, у нас на Черниговщине ночи чёрные-пречёрные, бархатные! Я так скучаю по маме, по родной деревне! Скоро вишни зацветут...

Иногда она уходила в себя и тихо-тихо напевала на своем родном языке красивую песню. И каждый раз они обе плакали, хотя Шура не всё разбирала в этом душевном, певучем наречии.

– Шурочка, а ты видела, как сады цветут? – Маша закрыла глаза, как будто вдыхая аромат вишневого сада.

– А как же! У нас тоже сады, и вишни, и яблоны, – Шура встрепенулась. В ней проснулось не ушедшее ещё далеко детство. – Знаешь, Мань, я у наших мальчишек вроде атаманши была. Мы по садам лазали, в речке уже в конце мая купались. А тут мне все твердят: тебе нет восемнадцати!

– Шура, о фронте забудь! Посмотри, сколько раненых с передовой, а еще партизан тяжелых привозят. Мы всех в строй вернуть обязаны.

– Но ведь я приехала, чтоб воевать! Всё равно своего добьюсь!

* * *

Шура напряглась от внезапно потревожившего её шелеста. Это лес то ли вздыхал, то ли разминал неокрепшие мышцы осинок-подростков. Девушка перевела взгляд налево. Тоня ободряюще кивнула и улыбнулась своей сдержанной улыбкой. Как хорошо, что она рядом! Тоне тоже восемнадцать. Но сколько в ней сдержанности, иногда кажущейся суровостью.

Они знакомы всего пару недель. Двадцать четвертого мая их зачислили в отряд и на полторке привезли в Лехту. Вот тут Шура слегка растерялась, ведь Маша ждала своего назначения только через три дня. А без подруги одной окунуться в партизанские будни было как-то боязно. Дорогой, трясясь в кузове престарелого грузовичка, Тоня не проронила ни слова. Её погружение в себя казалось абсолютным, и Шура не пыталась её разговаривать. Но по прибытии в Лехту девушку как будто разбудили. Она интуитивно правильно ориентировалась на местности, задавала окружающим чётко сформулированные вопросы. Шура шла за ней, как слепой за поводырем. В этой маленькой хрупкой девушке с ходу читались природная северная стать и строгость этих таёжных мест. Через пару дней, освоившись в отряде, Шура уже безошибочно угадывала местных. Как казалось Шуре, в них не было ни грамма лишнего, всё гармонично и всё надёжно, как в карельской сосне, прочно укоренившейся на местных холодных скалах.

* * *

От дороги поступил сигнал. Командир всего лишь поднял кисть руки, но этого было достаточно. Девушки молча кивнули друг другу, радист Саша поправил винтовку. Прижавшись к земле, юные партизанки сквозь мелкие кустики черники пытались разглядеть дорогу. Звуков не было. Они скорее почувствовали движение. Через минуту мимо засады проследовал велосипедист. На нём была форма финского солдата и сумка через плечо, как у почтальона. Партизаны, ничем себя не выдав, позволили ему свободно проехать. Не нужно быть стратегом, чтобы понять: это не добыча. В двух ближайших деревнях стояли финские гарнизоны, а солдат мог и в самом деле везти почту. Нужно ждать добычу покрупнее да посолиднее. Могла проехать автомашина. Вот это была бы удача!

Тоня Падарина считала деревья с интервалом в секунду, чтобы скоротать время. По её подсчётам прошло не менее получаса с того момента, как мимо засады проехал велосипедист. Движения на дороге не было, командир выжидал. От напряжения ныли суставы и саднило пятки. Сапоги оказались ей велики, но нужного размера на складе не было. Уже в Юшкозере на привале она едва сдерживала стон, снимая сапоги. Портянки были испачканы сукровицей. Шура, от которой ничего нельзя было скрыть, смазала ранки йодом, но это не ослабило страданий. Помочь в этой ситуации было невозможно, и Тоня, сцепив зубы, терпела. Сейчас же, когда засада заняла несколько часов, трудно было отвлечь себя от физической боли.

Тоня мечтала учить детишек. И теперь она начала придумывать задачки, глядя вокруг себя. Так часто делала её первая учительница. «На опушке росли двенадцать берёз. Каждая третья...» Тоня оглядела сектор, доступный её зрению. Ни одной берёзы. И сразу же вспомнилась тропинка через лес, по которой они с сёстрами ходили в школу в соседнюю деревню. В их родной деревне с красивым названием Северная был всего десяток дворов. Все деревенские – практически родня. У отца было два брата, у каждого большая семья. Вспоминая раннее детство, Тоня улыбнулась. С двоюродным братом Петей они были не разлей вода. Недавно его призвали в армию. Отец тоже воюет. Тяжелые мысли подступили сами собой. В середине тридцатых в большом дружном клане Падариных появилась тре-

щина, которая постепенно становилась всё глубже. Отец Тони Георгий вступил в партию, потом его пригласили на работу в город. Появлялся он только раз в месяц, уговаривал семью переехать к нему, но жена Анна всё не решалась. Здесь всё-таки родня рядом, а в городе кому мы нужны? Но братья Георгия заходили всё реже, на улице, здороваясь, кивали, но в разговоры не вступали. Однажды Тоня услышала от Пети:

– Вы при власти, нам не чета.

Обидные слова, явно исходящие от взрослых, резали Тонино сердце своей несправедливостью. Как не чета? Мать с утра до позднего вечера трудилась. Тоня и три её младшие сестрёнки тоже не бездельницы. Вся домашняя работа и огород были на их хрупких плечах. В тридцать восьмом жизнь в деревне для семьи Георгия стала невыносимой. Арестовали его старшего брата. Позже прошёл слух, что он расстрелян как враг народа. Родня отвернулась от Тони и её семьи. Девочка всё допытывалась у мамы, что значит «враг народа»? Дядя Степан в её памяти был простым и добрым, работающим и немногословным. Кому он стал врагом? Отец вскоре перевёз семью в город, и Тоня в тринадцать лет повзрослела. Теперь она поняла, что молчание – золото и что не все говорят то, что думают. В её деревенском детстве всё было гораздо проще.

И только здесь, в отряде, её сердце стало оттаивать. Она как будто снова вернулась в деревенскую жизнь. К прибывшим новичкам никто не относился свысока, каждый, наверно, понимал, что война одна на всех и перед ней все как в бане. Шутками, песнями, дружескими разговорами были наполнены тихие белые вечера, и Тоня не раз ловила себя на мысли: как правильно она поступила, записавшись добровольцем в отряд. Отец перед уходом на фронт сделал всё, чтобы помочь семье пережить без него лихолетье. Анна с девочками переселилась в Беломорск. Тоню отец устроил в канцелярию заместителя председателя СНК КФССР. Её секретарский оклад был очень кстати семье, оставшейся без кормильца. Хотя иногда мать получала денежный аттестат, присылаемый от отца, вот это был праздник! На столе появлялись настоящие продукты: сахар, тушенка, крупы. И всё же часто на улицах Беломорска она, встречая девчат и парней в военной форме, оглядывалась им вслед. Ей казалось, что эти подтянутые, строгие и мужественные люди составляют одно целое, как большая дружная семья, какой когда-то были все Падарины в Заонежье.

* * *

— **Е**сть! – Саша вскрикнул негромко, но так торжествующе, что девушки разом встрепенулись от грёз воспоминаний.

На дороге разведчики уже вязали финского солдата, а на обочине валялся его велосипед.

– С возвращением, – съязвила Шура, – что-то он быстро обернулся!

Тоня задумчиво качнула головой:

– Это другой. Тот был маленький, как подросток. А этот верзила, да и сумки при нем не видно.

Все трое вскочили, готовые пуститься бегом к дороге. Очень хотелось поближе рассмотреть врага, пусть даже связанного, кажущегося жалким и неопасным. Но взмах руки командира остановил их. Так и присели они у ближайшей кочки, вцепившись взглядом в поворот дороги. Оттуда выскочила одноконная повозка, но возница сразу заметил группу партизан, возившихся с его товарищем. Он резко натянул поводья и выскочил из возка. Шура, находившаяся ближе к дороге, увидела, как молодые партизаны – Миша Кулешов и Варнаф Синицын – бросились к нему, вероятно рассчитывая захватить голыми руками. Открыть огонь – значило обнаружить себя. В соседней деревне стоял вражеский гарнизон численностью не менее ста пятидесяти человек. Но финский солдат сумел быстро обрезать гужи, проворно вскочил на спину лошади и скрылся за поворотом.

А дальше всё происходило стремительно: допрос пленного, приказ командира Большакова спешно возвращаться на базу, минирование следов.

Дмитрия Ивановича Большакова, начальника штаба партизанского отряда, все уважали, доверяя его опыту и интуиции. Раз командир तो ропил, значит, над группой нависла серьёзная угроза. Финны рядом, и они не оставят партизан в своём тылу. Большаков прекрасно понимал, что максимум через полчаса на дороге появится отряд преследования. Наверняка у них есть собаки, а это большая вероятность быть обнаруженными.

До партизанской базы, где после выполнения задания должны собраться все группы, было более тридцати километров. Партизаны почти бежали, стараясь обходить заметные тропы, прокладывая себе путь по сырым ложбинкам, где собакам труднее взять след. Время от времени они останавливались, чтоб перевести дух. В эти

минуты замирали так, что летящий к потному лицу комар, казалось, рассекал воздух подобно взмаху казачьей сабли. Километров через десять командир позволил небольшой отдых. Казалось, оторвались. Да и было ли преследование, трудно понять. Ни одного признака присутствия людей на расстоянии слышимости не было. Тоня и Шура, сбросив вещмешки, повалились на траву. От бега под тяжёлой ношей в горле горело, при каждом вздохе боль в трахее резала ножом. Партизаны тянулись к фляжкам с водой. Многие, прислонившись к деревьям, как будто спали. Это был тот привычный партизанский отдых на ходу, когда через пять-десять минут боец был снова готов бежать, стрелять, выполнять боевую задачу.

Шура обвела взглядом товарищей, ощупала сумку на боку. Слава богу, все целы, помощь никому не нужна. Когда командир снова поднял бойцов и все в спешном порядке продолжили путь, Шура в очередной раз подумала о Маше. Как всё-таки хорошо, что она ушла на задание со вторым взводом! Спортивная и терпеливая Шура не могла себе представить, что Маша с ними бежит по холмам, скатывается под гору, цепляясь за гнилые коряги. Мысли о подруге были тревожными. Как там её нога? Одно успокаивало: рядом с Манечкой брат Ефим и Лёня.

Лёня Ларюшкин. Леонид. Как тепло и просто говорила о нём Маша в тот их вечер откровения в Лехте у озера. Маша впервые переживала сезон белых ночей. И хотя для Шуры это лето тоже было первым на Севере, она всё же свои июньские вечера в Быковищах назвала бы скорее серыми, но никак не чёрными. Маше не спалось, и она позвала подружек на берег озера. Начало июня выдалось удивительно тёплым. Накинув телогрейки на плечи, они, как чайки, присели на прибрежные валуны, задумались.

– Тоня, а ты как в отряд попала? – Маша совсем мало знала об этой скрытной, как ей казалось, девушке.

– Я из Заонежья. Здесь недалеко, – Тоня проносила каждое слово размеренно, осторожно, как будто пробовала пальцами холодную озёрную гладь.

Маша решила всё-таки разговорить девушку:

– А в отряд зачем пошла? Ты такая маленькая. Трудно тебе в походе будет.

– Вы не смотрите, что я маленькая, – улыбнулась Тоня, – я выносливая.

Шура пересела поближе к ней, обняла за плечи:

– Тоня, ты ведь в штабе служила?

Тоня покачала головой, помолчала.

– Нет. Я секретарём в канцелярии после школы работала. Но учительницей хотела быть.

Маша поспешила успокоить взгрустнувшую девушку:

– Ничего, скоро война закончится, вернёшься домой, будешь учить детишек читать.

Тоня оживилась:

– Учителя говорили: я на лету языки схватываю. Финский знаю, немецкий.

Шура, по-детски прищурив один глаз, спросила:

– А ты не переводчицей ли была?

– Нет, – улыбнулась Тоня, – я обычный секретарь. Работа нужная, понимаю, но не могу я сидеть и бумаги красивым почерком заполнять.

– Выше нос, девчонки! Немцев уже гонят, скоро и финнов разгромим! Домой вернемся, – голос Маши, такой бодрый и жизнеутверждающий, настроил подруг на откровение.

Шура встала с остывающего камня и двинулась не спеша вдоль берега, девушки последовали за ней. Они остановились у трёх берёзок, застывших в своей стройной красоте у воды. Прислонившись к стволам белокурых подруг, новоиспечённые партизанки продолжили делиться сокровенным, как будто и не на войне они вовсе.

– Я учиться хочу, – Шура смотрела на Машу и ждала одобрения. – Только вот не решила еще, кем буду. Может, врачом или, как Тоня, учительницей...

– Учиться обязательно! – поддержала Маша подругу. – И любовь свою встретите, детишек растить будем.

Шура, оставив свою березку, нежно обняла Машу, заглянув в глаза:

– Манечка, а ты?

Маша смущённо отвела глаза и тихо пробормотала:

– А я, кажется, нашла...

Тоня, до этого задумчиво рассматривавшая стаю чаек неподалёку, оживилась:

– У тебя жених на фронте?

– Нет. Полгода назад я раненого выхаживала. Худой, истощённый...

Тоня и Шура, переглянувшись, подступили ближе.

– Партизан? – практически хором воскликнули они.

Маша кивнула и, спохватившись, взяла подружку за руки.

– Девочки, только никому!

Шуру теперь было не удержать.

– А в каком он отряде?

Маша глядела на них исподлобья, как бы размышляя, стоит ли доверять девочкам такой секрет.

– Ой, я догадалась! Он здесь! – Шура даже закружилась вокруг берёзы, будто счастье это было их общим.

Тоня тоже не отставала:

– Так это ты из-за него в отряд попросилась?

Маша смутилась, но отступить было некуда.

– Ну, не из-за него, конечно. У меня ведь и брат здесь.

Девушки улыбались в предвкушении раскрытия большой сердечной тайны подруги.

Маша, сияя в белой ночи своими чёрными глазами, выдохнула счастливо:

– Мы с Лёней ничего и не говорили такого. Но мне кажется, что он тоже...

Шура снова порывисто обняла старшую подругу:

– Скорее бы война закончилась! Ой, девочки, сколько же счастья впереди!

– Сейчас не об этом думать надо. Мы на войне. Вот победим, а тогда...

Тонина сдержанность прозвучала резковато, но была подхвачена Машей:

– Да, сейчас от нас мужество требуется. Мы ведь не подведём!

– Шур, – Тоня попыталась сгладить резкий поворот темы, – мы с тобой в один взвод попали! А Маша не с нами.

– Девочки, все равно вместе, – Маша обняла обеих подруг за плечи. – В рейд всем отрядом идут, а потом уже каждый взвод своё задание выполняет.

– Скорее бы! – теперь взгляд неугомонной Шуры светился решимостью. – Я хочу бить врага! По-настоящему!

Тоня, обхватив себя руками, как будто озябнув, повернулась к озеру, над которым низко навис огромный солнечный круг.

– У каждого из нас свой счёт к врагу выставлен. Я не знаю, живы ли отец и брат. Знаете, девочки, в сорок первом наши соседи получили сразу две похоронки. Я впервые узнала, что такое горе.

Машины глаза влажно заблестели:

– А моя Украина третий год под немцем. Никаких вестей. Хорошо, брат рядом, он мне здесь вместо родителей.

* * *

Вот она сопка, наконец. Здесь назначена встреча всех групп. Кто-то должен вернуться уже сегодня. Опытные партизаны сгруппировались на западном склоне, ожидая распоряжений командира. Большаков пошёл расставлять дозорных, разрешив всем обед без разведения костра. От финнов оторвались, если и было организовано преследование, но расслабляться ни при каких обстоятельствах нельзя.

– Боец Падарина! – услышала Тоня голос Дмитрия Ивановича.

Сухари, только что извлечённые из вещмешка, последовали обратно, и девушка в то же мгновение была уже на ногах.

– Тоня! – Дмитрий Иванович часто допускал обращение не по уставу. Бойцы чувствовали его заботу даже в строгих интонациях и за глаза называли отцом. – Поручаю тебе стеречь эту тропинку через болото.

Они находились у самой кромки заболоченной пустоши, через которую метрах в пяти от края пролегла звериная тропа. Только опытный глаз лесного жителя мог её заметить. А вокруг болота заросли ивняка корнями уходят в сырую трясиину. Самая неудобная для передвижения человека местность. Поэтому, наверно, командир и поставил сюда часовым неопытного новичка.

Они появились из-за прибрежных кустов так неожиданно, что Тоня на несколько секунд замерла. Она успела ухватить взглядом овчарку, едва удерживаемую на поводке финским солдатом, и следовавших за ними автоматчиков. Расстояние до врага было не более сотни шагов, и Тоня со всех ног бросилась докладывать командиру. Она действовала инстинктивно, вместо того чтоб открыть огонь, как того требовал устав. Но её опередил опытный партизан Подругин, заметивший врага и крикнувший:

– Тревога! В ружьё!

Шура сломя голову бросилась с пригорка вниз, туда, где в дозоре должна была находиться Тоня.

– Занять оборону! Отделение Щипакина, на правый фланг! – командир Большаков бежал в Шурином направлении, на ходу отдавая команды.

Тоня вслед за ним неслась к своему рубежу и упала недалеко от подруги.

– Ранена? – крикнула Шура, готовая прийти на помощь.

– Нет! – на переключку не было времени, и Тоня передёрнула затвор винтовки.

Стрельба слышалась по всему периметру сопки. Пули свистели со всех сторон, несколько раз неподалёку разорвались гранаты. Тоня повернулась к командиру, стрелявшему из-за небольшого валуна. Дмитрий Иванович полулежал, прислонившись к серому камню. Струйка крови прочертила борозду от правой брови к вороту гимнастёрки.

– Шура, командир ранен!

Отчаянный Тонин крик заглушила какофония ружейной и автоматной пальбы, разрывов гранат и криков партизан, пытающихся скоординировать действия и отбить вражескую атаку.

– Шура! Шура!

То ли пот, то ли дым не давали Тоне как следует прицелиться. От пальбы и страшной жары, видимо, загорелся сухой торф. Ветром дым несло в сторону партизан. Шура не отзывалась. Прямо перед собой в дыму Тоня увидела финского солдата и взмах его руки. Повисла мёртвая тишина. Только Тоня её уже не услышала.

новлено, что это партизаны отряда «Красный онежец», погибшие двадцать пятого июня тысяча девятьсот сорок третьего года. В нашем спектакле все герои настоящие, фамилии подлинны. Мы знаем имена всех одиннадцати погибших партизан и ищем их потомков. И сопка, на которой они погибли, для нас не безымянная. У неё одиннадцать имён.

* * *

А финский командир в донесении о столкновении с партизанами напишет: «В бою убито девять партизан и две женщины. Рядом с одной обнаружена медицинская сумка».

Эпилог

Артисты моего школьного театра волнуются за кулисами. Сейчас я снова выйду к зрителям и начну как обычно:

– В две тысячи одиннадцатом году поисковики нашего города обнаружили останки бойцов времён Великой Отечественной войны. Уста-

□

Ирина Михайловна ИВАНОВА

родилась на Ставрополье.

Более тридцати лет живет в Карелии.

С ранней юности начала писать стихи.

Занимается историческим исследованием,

связанным с гибелью партизан отряда «Красный онежец».

По результатам этой работы опубликован цикл статей

в федеральном издании «Военная археология»

и муниципальной газете «Новости Костомукши».

По авторскому сценарию записан аудиоспектакль

«Сопка не безымянная» и поставлен спектакль «Миг до бессмертия».

